

С.А. ДАВЫДОВ

ВОЖДЕСТВО КАК КОНЦЕПТ СОЦИОЛОГИИ: СЛОЖНОСТИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Аннотация. Целью настоящей статьи является выявление причин, ограничивающих концептуализацию понятия вождества и нахождение аналитических средств их преодоления. Автор отмечает, что в настоящее время в социологии в целом выработана система критериев, которые облегчают понимание вождества как типа социальной организации и исторического этапа в развитии общества. Однако процесс выработки однозначной трактовки понятия вождества еще не завершен. В статье высказывается предположение, что такая ситуация является следствием действия двух главных ограничений. Первое из них лежит вне сферы науки и связано с многообразием морфологии вождеств, с накоплением в них признаков «высших» и «низших» форм социальной организации, с неоднозначностью характеризующих вождество эмпирических данных. Второе порождено самой наукой, успевшей накинуть различные понятийные сетки на вождества различных типов и не сумевшей решить проблему полисемизма понятий, составляющих методологическую основу анализа архаичного общества. Автор концентрирует свое внимание на проблеме «семантических двойников» вождества, существование которых обусловлено сложившейся традицией словоупотребления. Проблема выявления таких «двойников» решается на основе анализа социальных институтов и структур древних обществ с опорой на результаты археологических и антропологических исследований, тексты литературных памятников. В результате автор обосновывает, что во многих случаях следует называть вождествами и варварские «королевства» Западной Европы, Азии и Африки, и восточноевропейские «княжества», и «империи» Центральной Азии и Центральной Америки. Делается вывод, что упорядочение понятийного пространства позволяет расширить объектное поле анализа, обогатить аналитический инструментарий исследования и в результате открыть новые грани вождества как формы социальной организации.

Давыдов Сергей Анатольевич — доктор социологических наук, профессор, кафедра управления персоналом, Санкт-Петербургский государственный экономический университет. Адрес: 191023, Санкт-Петербург, ул. Садовая, д. 21. Телефон: 8(911)746-50-73. Электронная почта: licurg@inbox.ru

Ключевые слова: вождество; варварское королевство; княжество; степная империя; социальная организация; древнее общество.

Для цитирования: Давыдов С.А. Вождество как концепт социологии: сложности интерпретации // Социологический журнал. 2019. Том 25. № 1. С. 8–26. DOI: 10.19181/socjour.2018.25.1.6277

Согласно Оксфордскому словарю, понятие «вождество» (chiefdom) стало использоваться в языке по крайней мере с 1579 г. [42, р. 16]. Однако долгое время оно не находило формального определения в социальной науке, где начиная с XVIII и вплоть до середины XX века господствовала схема периодизации развития древнего общества «дикость — варварство — цивилизация» (savagery — barbarism — civilization), предложенная Адамом Фергюссоном [50] и подробно раскрытая Льюисом Генри Морганом [22, с. 5]. В этой хронологической линейке попросту не находилось места стадии развития общества, «состоявшего из множества деревень, политически организованных под руководством верховного вождя, но все еще не достигшего уровня государства» [42, р. 16].

В научный оборот понятие «вождество» впервые было введено Калерво Обергом в 1955 г. В статье “Types of Social Structure among the Lowland Tribes of South and Central America” автор отмечает, что «вождества управляются верховным вождем, под властью которого находятся районы и поселения, управляемые иерархически соподчиненными вождями. Отличительной чертой этого типа политической организации является то, что вожди имеют судебную власть регулировать споры и наказывать преступников вплоть до смертного приговора и... реквизируют людей и запасы на нужды войны» [58, р. 484].

В дальнейшем исследователи, в целом принимая данную Обергом трактовку вождества, в своих собственных интерпретациях этого понятия уточняли отдельные его характеристики. Так, через семь лет после первой попытки концептуализации понятия вождества Элман Сервис снял всякую неопределенность с возможности трактовать это понятие в эволюционистском ключе. В своей работе “Primitive Social Organization: An Evolutionary Perspective” он формализовал неявно выраженное Обергом понимание вождества как исторического этапа развития архаического общества, прямо назвав его уже не «типом», а «стадией», и определив его место на эволюционной линейке между племенем и ранним государством [61]. Практически одновременно произошел отход от первоначального понимания вождества как формы социальной организации оседлых земледельцев [45, р. 5] и постулирование того, что этой фазы общественного развития могут достигать и скотоводы-кочевники [62; 54].

Уточнялась и оптика изучения вождества. Например, Р. Карнейро фиксировал свое внимание на значении постоянного контроля верхов-

ного вождя над объединенными под его властью подданными и территориями [41, р. 45]. Э. Сервис [61] и М. Салинз [60] рассматривали вождество как экономическую структуру, позволяющую осуществлять редистрибуцию. Д. Фейл полагал, что на определенном этапе развития архаического общества его лидер, напротив, «в меньшей степени манипулировал деятельностью и богатством, и в большей — организовывал захватнические войны и убийства» [49, р. 65]. В этом случае главным предназначением создаваемой обществом социальной структуры становилось прежде всего ведение войны, которая, по словам Р. Карнейро, становилась «механизмом, позволяющим политическим единицам увеличиваться» [42, р. 18]. Одновременно историческая наука сформировала собственное представление о вождестве, основанное на археологических критериях [4, с. 6; 51; 44].

Модельные представления о признаках вождества, разработанные в общественных и гуманитарных науках, вероятно, наилучшим образом были обобщены Петером Скальником. Основываясь на обширном этнографическом и историческом материале, он указал на следующие его основные черты: сравнительно небольшой численный состав группы вождества — не более десятков тысяч человек; в большей степени наследственный, нежели достижительный характер лидерства и опоры лидера на родственников при осуществлении им властных функций; осуществление лидером социального контроля скорее с опорой на авторитет, чем с помощью принуждения; наделение лидера правом вторгаться в деятельность домохозяйств и осуществлять редистрибуцию общественных ресурсов; малое количество уровней принятия политических, административных и хозяйственных решений — обычно, один-два [62].

Впрочем, несмотря на то, что в течение последних 50 лет вождество исследовалось весьма скрупулезно, проблема его концептуализации до сих пор не нашла своего исчерпывающего решения.

В первую очередь это обусловлено тем, что разные вождества накапливают признаки «предшествующих» и «последующих» социальных форм в различной последовательности и во всякий момент времени формируют различные их комбинации. Так, многие из них содержат в себе «пережитки» родоплеменного строя: в них еще сильны эгалитарные принципы распределения, действуют механизмы социального контроля общинников над лидером, а власть вождя в полной мере еще не институционализирована. В этом смысле вождество иногда бывает сложно отличить от племени, а в некоторых аспектах — даже от акефальной (не имеющей формального лидера) группы собирателей и охотников. Вместе с тем вождество, особенно сложное и суперсложное, характеризуется рядом признаков, свойственных государству, — таких как многоуровневая иерархия, институционализация власти, наличие у вождя профессиональных помощников [46, р. 22, 641; 52].

Это препятствует проведению четких границ между вождеством и ранним государством [1, с. 44].

Определение свойственных вождеству признаков затрудняется еще и тем, что в обществах — не только архаичных, но даже и современных — одна форма политической организации нередко органично инкорпорирована в другую. Например, многие вождества представляли собой объединенные усилиями вождя конфедерации более простых социальных образований — племен. И наоборот, само вождество иногда становится основой государственных образований [43, р. 32].

Наконец, важно понимать, что оценка исследуемой социальности с точки зрения даже научно обоснованных критериев все же связана с неоднозначностью интерпретации наблюдаемой реальности. Например, «в сложных стратифицированных обществах Полинезии (Тонга, Таити, Гавайи) не только сакральные вожди, но и их семьи не участвовали в материальном производстве средств существования, и, наоборот, создатель Гавайского королевства Камеамеа I работал в поле, ловил рыбу, строил храмы. Как определить, в каком случае такие действия обуславливались необходимостью простого выживания, а в каком — стремлением правителей повысить авторитет власти?» [19, с. 127]. Подобные примеры иллюстрируют, насколько зыбким может оказаться вывод о социальной структуре и ролевом поведении в архаичных культурах, основанный на этнографических данных. Не лучше обстоят дела и с надежностью эмпирически «строгих» археологических критериев, ведь их применение едва ли можно признать в качестве аналитического инструмента, имеющего самостоятельное значение при определении границы между вождеством и первыми цивилизационными формами социальности, без их антропологической или социологической интерпретации.

Очевидно, что многообразие эмпирически наблюдаемых архаичных общностей, их взаимное инкорпорирование и заимствование социальных практик друг у друга препятствует формулированию в достаточной степени «точного» и «конкретного» определения вождества таким образом, чтобы оно не теряло своей адекватности в каждом конкретном случае. Это вынуждает исследователя конструировать такие идеально-типические модели вождества, которые обладали бы крайне высокой степенью абстрактности. Однако, как показывает практика, использование подобных «универсалистских» интерпретаций создает методологические сложности для идеографического описания и понимания всякой конкретной культуры, которая в своих особенных чертах отличается от заданного определением формата. Например, вид социальности, позиционируемый Д. Роджерсом как «любое политическое образование, в котором власть относительно централизована и иерархична, и где контроль распространяется на определенное население и территорию... а [живущие в нем. — С. Д.]

индивидуумы... признают его статус, политически независимый от других таких образований» [26, с. 145], с равными основаниями может быть трактован и как вождество, и как государство.

Впрочем, и менее широкие трактовки форм социальной организации способны ограничить эвристическую ценность теоретических построений. Так, сегодня все чаще раздается критика в адрес попыток дать генерализующее толкование социодинамики кочевых обществ Центральной Азии [7; 9], которые внешне кажутся похожими друг на друга, но при детальном изучении обнаруживают столь высокую степень разнообразия, что, согласно мнению ряда исследователей, не могут быть «втиснуты» в рамки обобщающих моделей исторического развития. В силу этого, например, в настоящее время подвергается критике концепция Т. Барфилда об исторических ступенях цивилизации [2; 3; 31]. В то же время более узкие интерпретации вождества, которые не выходят за границы допустимой степени общности, ставят перед исследователем другую проблему. Детализируя свое представление об объекте, мы всегда формируем многомерную модель его восприятия. А эмпирически исследуемая социальность на практике нередко соответствует одному признаку такой модели и не соответствует другому. Хорошим примером тому явился дискурс вокруг формы социальной организации у представителей ольмеков [64, р. 138; 47; 53].

Не менее важное ограничение научной концептуализации понятия вождества кроется в силе традиции, которая приписывает некоторым типам вождества собственные имена. Подобный полисемизм в оценке изучаемых архаичных культур порождает свое естественное следствие — сосуществование целого набора «семантических двойников» вождества — социально-политических образований, обладающих всеми или большинством из важнейших признаков вождества, но носящих другое имя. Подобная коллизия объясняется просто: часто бывало, что архаические общества начинали изучаться задолго до того, как понятие «вождество» вошло в научный лексикон. По мнению Р. Карнейро, «в отсутствие понятия “вождество” многие общества промежуточных уровней были неправильно идентифицированы как нечто другое, называемое другими терминами» [42, р. 21]. Это является большим неудобством для научного анализа феномена, ведь возникающая терминологическая путаница сужает его объектную область за счет изъятия из нее общностей, фактически являющихся вождествами, но маскирующихся под другими именами [48, р. 944; 43, р. 30].

Принятие методологической посылки о существовании вождеств, «замаскированных» под другими именами, может иметь положительные последствия для нашего анализа. Ведь в этом случае в фокус исследовательского внимания дополнительно попадает целый спектр хорошо изученных вождеств, что способно обогатить представления о данном явлении.

Первым в ряду таких двойников выступает *варварское королевство*. В особенности это относится к королевствам на ранних этапах их существования, до христианизации — во всяком случае, обращения в христианство их правящей верхушки. Хорошим примером такого рода социальности можно считать политическую организацию древней Ирландии.

Известно, что в VI–VII вв. основу ирландского общества составляли объединения вооруженных людей — *туаты*. До сих пор остается дискуссионным вопрос о критериях дифференциации туатов. Ф. Дж. Берн и его последователи полагают, что в основе процесса образования туата лежали маркеры принадлежности к роду [40, р. 40–43]. Другие исследователи, например ирландский историк Г. Мак-Ниокайлл, представляют другую позицию. Они полагают, что главным критерием образования туата являлась самоидентификация его членов со своим лидером [56, р. 28]. Но важно, что ни первая, ни вторая группа исследователей не указывают на территориальный принцип обособления туата, что гипотетически могло бы характеризовать форму политической организации древнеирландского общества как государство.

Не обнаруживается его признаков и на более высоких уровнях объединения. Так, туаты объединялись в воинские соединения, которые возглавляли лидеры, именовавшиеся «королями». Они, в свою очередь, входили в непосредственное подчинение «королю» административно-территориального образования — *пятин*. Подобно тому, как это наблюдается в монархиях, власть в туате была наследственной [55, р. 49–50]. Однако она не опиралась на институционализированную систему судопроизводства, а также на группу профессионалов-функционеров [55, р. 52], что скорее свойственно вождеству, чем государству. Власть «короля» была весьма ограниченной. Он не обладал правом отправлять правосудие, не мог исполнять законодательных функций [57, р. 55], которые находились в компетенции народного собрания — *оэнаха* [56, р. 32]. Совсем не свойственным государству был и характер соподчинения лидеров различного уровня иерархии: вышестоящий «король» располагал властью только в отношении непосредственно подчиненного ему «короля», но был не вправе вмешиваться в его отношения с подчиненными. Для поддержания своего авторитета верховный «король» был вынужден в личном подчинении создать собственный туат, что в определенном смысле уравнивало его с подчиненными ему «королями» [56, р. 29–30]. Тем самым структура древнеирландского общества представляла собой сеть персонифицированных взаимовыгодных договоров между членами туата и их лидерами, а также между самими лидерами друг с другом.

Как можно заметить, древнеирландская политическая система обладает многими признаками, свойственными вождеству. И тем не

менее она имеет иную лингвистическую кодировку. Такое сложно объяснить иначе, как лишь влиянием традиции. Это становится еще более очевидным, если сравнить ирландское общество с его аналогами, сформированными в других частях света. Например, социальная структура в Ирландии очень походила на структуру раннесредневекового общества в Аравии, которая также имела три уровня иерархии. Аналогии между ними столь сильны, что это позволило некоторым исследователям говорить даже об общности принципов организации азиатских и европейских обществ раннего средневековья [13]. В этой связи весьма показательно, что, несмотря на очевидное подобие йеменского шаба второго уровня и его аналога — ирландской пятинны, — первый из них справедливо характеризуется А.В. Коротаевым [12] как «классическое» вождество в том понимании, какое ему придает Л.С. Васильев [6, с. 31–32], тогда как вторая в научной литературе до сих пор именуется королевством.

Европейские раннесредневековые вождества скрываются и под другим именем. В восточной Европе они назывались княжествами.

Примером такого княжества-вождества может являться форма организации социальной жизни и публичной власти в Древней Руси, во всяком случае, до реформ княгини Ольги.

Как и в раннесредневековой Ирландии, социальная структура древнерусского общества имела три уровня иерархии. Первый уровень составляли самоуправляющиеся общины, объединявшие домохозяйства как в сельской местности, так и в городах. Общины входили в более крупные объединения, которые возглавлялись князьями, имевшими свои дружины. Нередко такие объединения называли местными княжествами, но одновременно в научной литературе они носят названия «летописных племен», «союзов племен», «племенных княжений», «федераций племен», «вождеств». При этом одни ученые рассматривают их как объединения, основанные на «системе родоплеменных отношений», другие считают их раннегосударственными или предгосударственными образованиями, не приписывая им, однако, качеств полноценного государства [33; 34; 27; 20, с. 13–14; 23, с. 83–87; 30, с. 62–63; 36, с. 18–19; 5, с. 160–177; 10, с. 32–48]. И наконец, местные княжества подчинялись великому князю, венчавшему собой третью и высшую ступень социальной иерархии древнерусского общества. Подобно древнеирландскому верховному королю, имевшему личный туат, верховный князь располагал собственной дружиной и городом, которым правил.

Вообще, князь с его дружиной олицетворяет собой явление, которое гипотетически могло быть свойственно как вождеству, так и государству. Однако анализ социальных практик в Древней Руси может привести к выводу, что они скорее являются формой выражения первого, нежели второго.

Прежде всего, как и в вождестве, княжеская власть строилась по принципу родства. Это обнаруживало себя уже с самого начала существования Древнерусского княжества. Как записано в «Повести временных лет», «и избрались три брата со своими родами, и взяли с собой всю Русь, и пришли к словенам первым, и срубили город Ладогу, и сел в Ладоге старейший Рюрик, а другой — Синеус — на Бело-озере, а третий — Трувор — в Изборске» [24, с. 67]. Этот принцип был основополагающим в организации политической системы Руси достаточно длительное время, найдя свое воплощение и на фазе государственного этапа социальной истории России.

Далее, как и в вождестве, основными функциями княжеской власти были главным образом отправление правосудия и предводительство в войне. Так, именно надежды людей на правопорядок и установление справедливого правосудия побудили их в летописные времена пригласить князей-арбитров, как об этом говорит «Повесть временных лет»: «Изгнали варягов за море и не дали им дани, и начали сами собой владеть. И не было среди них правды, и встал род на род, и были между ними усобицы, и начали воевать сами с собой. И сказали они себе: “Поищем себе князя, который управял бы нами и судил по праву”» [24, с. 67].

Нельзя характеризовать как свойственные государству и способы практиковавшихся в Древней Руси поборов с населения. Они совсем не похожи на формируемые государством налоговые системы с их регулярностью, правовой определенностью, фиксацией тарифных ставок. В начальные годы существования Древней Руси уплата дани князю больше походила на откуп от налетчика, а ее размер определялся преимущественно силой дружины последнего [24, с. 92].

Тем самым в Древнерусском княжестве начального периода несложно обнаружить многие из основополагающих признаков вождества — трехуровневую социальную организацию, исполнение князем преимущественно функций судопроизводства и военного лидерства, его опору на родственников при отправлении власти в административно-территориальных округах, отсутствие регулярной налоговой системы и способных систематически вести дела профессиональных функционеров. Все это дает нам основания отнести к числу двойников вождества, помимо западноевропейских варварских королевств, еще и восточноевропейские княжества.

Но такие двойники существовали не только в Европе. Они были распространены и в Азии. К такому выводу можно прийти, если повнимательнее присмотреться к «империям» центрально-азиатских кочевников.

Согласно распространенным в исторической науке взглядам, кочевники, в разное время объединявшие под своей властью огромные территории Евразии, могли сделать это, лишь опираясь на силу

«государственности и цивилизации» [37, с. 228]. Но даже сторонники существования государственности у кочевников Центральной Азии при более внимательном взгляде на объект анализа вынуждены дифференцировать созданные кочевниками формы социальности. Например, Н. Шираиси, опираясь на критерии Э. Сервиса, К. Ренфрю и П. Банна, указывает на различия в типах государственной организации у кочевников, выделяя децентрализованные архаичные «кочевые государства» у хунну и тюрков, незрелое уйгурское государство с конфедерацией племен и государство в Монгольской империи [35]. Еще более неоднозначным может выглядеть представление о государственности азиатских номадов, если к нему применить критерии, разработанные в современных теориях политогенеза. В этом случае появляется возможность соотнести методы управления с институтами власти, которые реализовывались в политиях степняков, что позволяет говорить о существовании у них «зачаточной», «типичной» и «переходной» форм раннего государства [16, с. 182]. Но здесь важно понимать, что, приняв предположение о существовании ранней государственности у номадов Центральной Азии, мы вправе вспомнить о той зыбкой грани, которая во многих случаях отделяет раннее государство от вожества.

Например, сегодня широко дискутируется вопрос о государственности у поздних сарматов. Обосновывая предположения о ее существовании и даже о приближении сарматского общества к кочевой империи [38], обычно говорят о социальной и имущественной дифференциации, о высоком авторитете политических лидеров в глазах соседей [21, с. 140], а также о наличии значительных военно-мобилизационных ресурсов для эксплуатации подконтрольных и оседлых территорий [32, с. 8]. Но, как следует думать, эти признаки в равной степени могут быть свойственны и вождеству. Тем более что, как показали исследования, сарматам не удалось поставить свою политическую организацию на прочный экономический фундамент, а следовательно, и заложить хозяйственные основы государственности [39].

Учитывая сложность однозначной концептуализации модельных представлений об обществе кочевников, мы, конечно, не будем оспаривать мнение, что «управленческие системы номадных империй, как явление сложное и многогранное, не могут быть описаны с помощью однозначных дефиниций» [8, с. 15]. Однако будем полагать, что и объекты с размытыми смысловыми границами все же могут быть соотнесены с тем или иным понятием, которое по совокупности признаков в наибольшей степени соответствует их семантике. И здесь обнаруживается, что с точки зрения основных критериев «степные империи», во всяком случае, на этапах своего становления и ранних фазах развития, представляли собой скорее вождества, чем ранние государства [14; 16].

Анализ социальной организации номадов показывает, что даже в своем зрелом состоянии кочевые империи, уже преодолев пережитки

племенных отношений, не сумели создать предпосылок для реализации централизованно вырабатываемых решений [63]. В этом смысле использование понятия государства по отношению к сложившимся в Центральной Азии конфедерациям аристократических домов выглядит сомнительным.

Еще менее похожими на государства и еще более похожими на вождества «кочевые империи» оказываются на ранних этапах своего существования.

Прежде всего, как и в традиционных вождествах, власть в них реализовывалась через сетевые структуры родственников. Так, у хунну высшую аристократию составляли исключительно родственники верховного правителя — шаньюя [17, с. 73–75]. Ключевую роль в системе власти родственные связи играли и у монголов [25, с. 44–45].

Еще одним ключевым признаком, роднящим «степные империи» с вождеством, является ограничение полномочий их верховных правителей в основном двумя главными функциями: военным лидерством в кампаниях общенационального масштаба и в ряде случаев — судопроизводством. Принять на себя исполнение остальных функций, свойственных руководителю государства, верховный правитель не мог, будучи ограниченным автономией и силой, сосредоточенной в руках удельных лидеров [25, с. 37].

В целом у нас имеются достаточные основания признать справедливым мнение Б.Р. Зориктуева, согласно которому «четко выработанный порядок наследования власти, равноправное положение племен и родов и в то же время больший престиж и привилегии подразделений борджигин и тайджиут, важная роль войны в жизни объединения, наличие верховного правителя хана и подчиненных ему руководителей сегментов (центра и двух крыльев), участие в работе совета курултая только аристократической элиты, отделение этой элиты от остального населения и превращение ее в замкнутое сословие, ограниченная власть хана, держащаяся, главным образом, на его личном авторитете, однозначно позволяют сделать вывод, что объединение племен и родов Трехречья представляло собой вождество» [11, с. 232].

Этими признаками вождества, очевидно, следует характеризовать не только форму социальной организации монголов, о которых писал цитируемый автор, но и других степных народов. Возможность такого рода обобщения можно допустить, основываясь на позиции Н.Н. Крадина, Т.Д. Скрынниковой и др., полагавших, что степные политии по своей численности (до 1–1,5 млн человек), а также по уровню сложности, хотя и соответствовали раннему государству, но свою социальную организацию они строили на принципах, свойственных скорее вождеству. По этой причине они признавались догосударственными образованиями и получили название суперсложных вождеств [17, с. 79; 18, с. 127; 29, с. 49, 191–193, 347; 28, с. 354–355]. Исключение

здесь могли бы составлять, по-видимому, только «кочевые империи», сумевшие подчинить своему влиянию территории с многочисленным оседлым населением и ради сохранения своего контроля над ним вынужденные создавать специальные государственные институты в форме контролирующих и фискальных организаций. Однако при этом следует отметить, что процесс создания таких институтов был весьма длительным и носил обратимый характер [15, с. 174–194]. Это является хорошим свидетельством дисконплементарности этих вновь создаваемых государственных институтов общей институциональной среде «кочевых государств», а значит, дает основания заключить, что и они в своей основе все-таки оставались вождествами.

Итак, следует полагать, что задача устранения полисемизма из пространства аналитических инструментов изучения архаичного общества требует интерпретировать как вождества и варварские королевства Западной Европы, Азии и Африки, и восточноевропейские княжества, и «империи» Центральной Азии, и многие племена Центральной и Северной Америки. Несмотря на то, что устранить «семантических двойников» вождества мешает сложившаяся традиция словоупотребления, результаты решения этой задачи могут стоить прилагаемых усилий. Ведь в этом случае исследователь получает достаточные основания расширить объектное поле своего анализа и тем самым открыть новые грани вождества как исторической формы социальности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аверкиева Ю.П.* О месте «военной демократии» в истории североамериканских индейцев // Советская энциклопедия. 1970. № 5. С. 33–45.
2. *Барфилд Т.Дж.* Мир кочевников-скотоводов // Кочевая альтернатива социальной эволюции / Отв. ред. Н.Н. Крадин, Д.М. Бондаренко. М.: ИА РАН, 2002. С. 43–61.
3. *Барфилд Т.Дж.* Опасная граница: кочевые империи и Китай (221 г. до н. э. — 1757 г. н. э.) / Пер. Д.В. Рухлядева, Б.В. Кузнецова; Науч. ред. и предисл. Д.В. Рухлядева. СПб.: Ф-т филологии и искусств СПбГУ — Нестор-История, 2009. — 488 с. [электронный ресурс]. Дата обращения 12.07.2017. URL: <<http://barfield.narod.ru>>.
4. *Беляев Д.Д.* Еще раз к вопросу о социально-политической организации ольмекской археологической культуры // Политическая антропология традиционных и современных обществ: Материалы международной конференции / Отв. ред. Н.Н. Крадин. Владивосток: Дальневосточный федеральный ун-т, 2012. С. 3–29.
5. *Буданова В.П., Горский А.А., Ермолова И.Е.* Великое переселение народов: этнополитические и социальные аспекты. СПб.: Алетейя, 2011. — 334 с.
6. *Васильев Л.С.* Проблемы генезиса китайского государства. М.: Наука, 1983. — 327 с.
7. *Васютин С.А.* Основные модели организации власти у кочевников Центральной Азии периода раннего средневековья (в свете теории

- многолинейности) // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2010. № 4. С. 20–34.
8. *Васютин С.А.* Традиционные и инновационные механизмы управления в кочевых обществах Центральной Азии VI – XIII вв. Ч. 1 // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. Т. 3. № 1 (61). С. 13–19. DOI: 10.21603/2078-8975-2015-1-20-25
  9. *Васютин С.А., Дашковский П.К.* Социально-политическая организация кочевников Центральной Азии поздней древности и раннего средневековья (отечественная историография и современные исследования) / Науч. ред. Н.Н. Крадин. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2009. — 400 с.
  10. *Горский А.А.* Первое столетие Руси // Средневековая Русь. Вып. 10. К 1150-летию зарождения российской государственности. М.: Индрик, 2012. С. 7–112.
  11. *Зориктуев Б.Р.* О социально-политической организации монгольского общества накануне образования империи // Вестник Бурятского государственного университета. 2009. № 14. С. 229–234.
  12. *Коротаев А.В.* Племя как форма социально-политической организации сложных непервобытных обществ (в основном по материалам северо-восточного Йемена) // Альтернативные пути к цивилизации. М.: Логос, 2000. С. 265–291.
  13. *Коротаев А.В.* Некоторые проблемы социальной эволюции архаических (и не только архаических) обществ // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. Т. 5. М.: Изд-во Рос. гос. б-ки, 1995. С. 211–220.
  14. *Крадин Н.Н.* Вождество: современное состояние и проблемы изучения // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. М.: Восточная литература РАН, 1995. С. 11–61.
  15. *Крадин Н.Н.* Кочевники Евразии. Алматы: Дайк-пресс, 2007. — 416 с.
  16. *Крадин Н.Н.* Политическая антропология. М.: Логос, 2004. — 270 с.
  17. *Крадин Н.Н.* Империя хунну (структура общества и власти). Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Владивосток, 1999. — 584 с.
  18. *Крадин Н.Н.* Кочевники в мировом историческом процессе // Философия и общество. 2001. № 2. С. 108–138.
  19. *Латушко Ю.В.* Проблемы интерпретации политической организации гавайского общества // Россия и АТР. 2006. № 3. С. 123–132.
  20. *Мавродин В.В.* Образование Древнерусского государства и формирование древнерусской народности. М.: Высшая школа, 1971. — 192 с.
  21. *Медведев А.П.* О формах зависимости в сарматских обществах первых веков нашей эры // Нижневолжский археологический вестник. 2010. Вып. 10. С. 140–146.
  22. *Морган Л.Г.* Древнее общество, или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. Л.: Институт народов Севера ЦИК СССР, 1934. — 368 с.
  23. *Пашуто В.Т.* Особенности структуры Древнерусского государства // Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В., Шушарин В.П.,

- Щапов Я.Н. Древнерусское государство и его международное значение. М.: Наука, 1965. С. 77–127.
24. Повесть временных лет / Сост., примеч. и указ. А.Г. Кузьмина, В.В. Фомина. Вступ. ст. и перевод А.Г. Кузьмина; Отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, Родная страна, 2014. — 544 с.
  25. *Рашид-ад-Дин*. Сборник летописей. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1952. — 995 с.
  26. *Роджерс Д.* Причины формирования государств в Восточной Внутренней Азии // Монгольская империя и кочевой мир / Отв. ред. Б.В. Базаров, Н.Н. Крадин, Т.Д. Скрынникова. Кн. 3. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. С. 144–180.
  27. *Рыбаков Б.А.* Союзы племен и проблема генезиса феодализма на Руси // Проблемы возникновения феодализма у народов СССР. М.: Наука, 1969. С. 25–28.
  28. *Скрынникова Т.Д.* Монгольское кочевое общество периода империи // Альтернативные пути к цивилизации / Отв. ред. Н.Н. Крадин, А.В. Коротаев, Д.М. Бондаренко, В.А. Лынша. М.: Логос, 2000. С. 354–355.
  29. *Скрынникова Т.Д.* Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. М.: Восточная литература, 1997. — 216 с.
  30. *Фроянов И.Я.* К истории зарождения русского государства // Из истории Византии и византиноведения. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1991. С. 57–93.
  31. *Хазанов А.М.* Кочевники евразийских степей в исторической ретроспективе // Кочевая альтернатива социальной эволюции / Отв. ред. Н.Н. Крадин, Д.М. Бондаренко. М.: ИА РАН, 2002. С. 49–50.
  32. *Хазанов А.М.* Очерки военного дела сарматов. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. — 338 с.
  33. *Шаскольский И.П.* О начальных этапах формирования Древнерусского государства // Становление раннефеодальных славянских государств: Материалы научной сессии польских и советских историков. Киев, 1969 г. Киев: Наукова думка, 1972. С. 46–69.
  34. *Шаскольский И.П.* Образование Древнерусского государства // Советская историография Киевской Руси. Л.: Наука, 1978. С. 128–141.
  35. *Широици Н.* Этапы кочевых государств монгольских степей // Монгольская империя и кочевой мир / Отв. ред. Б.В. Базаров, Н.Н. Крадин, Т.Д. Скрынникова. Кн. 3. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. С. 241–250.
  36. *Шишкин И.Г.* Проблемы образования Древнерусского государства в отечественной историографии (1917–1990-е годы): Автореф. дис. канд. ист. наук. Екатеринбург, 1997. — 24 с.
  37. *Энхтувшин В.* Традиции государственности и история кочевников // Монгольская империя и кочевой мир / Отв. ред. Б.В. Базаров, Н.Н. Крадин, Т.Д. Скрынникова. Кн. 3. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. С. 227–238.

38. Яценко С.А. Алания I—II вв. н.э. как кочевая империя // Монгольская империя и кочевой мир / Отв. ред. Б.В. Базаров, Н.Н. Крадин, Т.Д. Скрынникова. Кн. 3. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СОРАН, 2008. С. 281—310.
39. Яценко С.А. Заметки по истории и культуре сармато-аланов // Нижневолжский археологический вестник. 2003. Вып. 6. С. 303—316.
40. Byrne F.J. Irish Kings and High-Kings. London: Four Courts Press, 2001. — 341 p.
41. Carneiro R.L. The Chieftdom: Precursor of the State // The Transition to Statehood in the New World. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1981. P. 37—79.
42. Chieftdoms: Yesterday and today / Ed. by R.L. Carneiro, L.E. Grinin, A.V. Korotayev. New York: Eliot Werner Publications, Inc., 2017. — 176 p.
43. Chabal P., Feinman G.M., Skalnik P. Beyond States and Empires: Chieftdoms and Informal Politics // Social Evolution & History. 2004. Vol. 3. No. 1. P. 22—40.
44. Childe G.V. The Urban Revolution // Town Planning Review. 1950. Vol. 21. No. 1. P. 3—17. DOI: 10.3828/tpr.21.1.k853061t614q42qh
45. Claessen H.J.M. On Chiefs and Chieftdoms // Social Evolution & History. March 2011. Vol. 10. No. 1. P. 5—26.
46. Claessen H.J.M., Skalnik P. The Early State. The Hague: Mouton, 1978. — 641 p. DOI: 10.1515/9783110813326
47. Coe M.D. San Lorenzo Tenochtitlan // Supplement to the Handbook of Middle American Indians. Archaeology / Ed. by J.A. Sabloff. Austin: University of Texas Press, 1981. Vol. I. P. 117—146.
48. Driver H.E. Indians of North America. Chicago: University of Chicago Press, 1961. — 944 p.
49. Feil D.K. The Evolution of Highland Papua New Guinea Societies. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2010. — 328 p.
50. Ferguson A. An essay on the history of civil society. Basil: Printed by J.J. Tourneisen, 1789. — 424 p. [online]. Accessed 24.11.2017. URL: <https://books.google.com.ru/books?id=WJgqAAAAMAAJ&printsec=frontcover&hl=ru&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false>.
51. Flannery K.V., Marcus J. The Creation of Inequality. Cambridge: Harvard University Press, 2012. — 630 p. DOI: 10.4159/harvard.9780674064973
52. Grinin L. Complex Chieftdom: Precursor of the State or Its Analogue? // Social Evolution & History. March 2011. Vol. 10. No. 1. P. 234—275.
53. Hardoy J. Pre-Columbian Cities. New York: Walker and Company, 1973. — 602 p.
54. Kradin N.N. Heterarchy and Hierarchy among the Ancient Mongolian Nomads // Social Evolution & History. March 2011. Vol. 10. No. 1. P. 187—214.
55. Lindsay J. Our Celtic Heritage. London: Weidenfeld & Nicolson, 1962. — 449 p.
56. MacNiocaill G. Ireland before the Vikings. Dublin: Gill and Macmillan, 1972. — 376 p.
57. O'Corrian D. Ireland before the Normans. Dublin; Gill and Macmillan, 1972. — 289 p.

58. *Oberg K.* Types of Social Structure among the Lowland Tribes of South and Central America // *American Anthropologist*. 1955. No. 57. P. 472–487. DOI: 10.1525/aa.1955.57.3.02a00060
59. *Rountree H.* The Powhatan Indians of Virginia: Their Traditional Culture. Norman: University of Oklahoma Press, 1989. — 232 p.
60. *Sahlins M.D.* Social Stratification in Polynesia. Seattle: University of Washington Press, 1958. — 306 p.
61. *Service E.R.* Primitive Social Organization: An Evolutionary Perspective. New York: Random House, 1962. — 211 p.
62. *Skalnik P.* Authority versus Power: Democracy in Africa Must Include Original African Institutions // *Journal of Legal Pluralism and Unofficial Law*. 1996. No. 37–38. P. 109–121. DOI: 10.1080/07329113.1996.10756476
63. *Sneath D.* The Headless State: Aristocratic Orders, Kinship Society, and Misrepresentations of Nomadic Inner Asia. New York: Columbia University Press, 2007. — 273 p. DOI: 10.7312/snea14054
64. *Stirling M.* Stone Monuments of Southern Mexico. Washington: United States Government Printing Office, 1943. — 170 p.

Дата поступления: 09.01.2018.

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2019.
VOL. 25. NO. 1. P. 8–26. DOI: 10.19181/socjour.2018.25.1.6277

S.A. DAVYDOV

St Petersburg state University of Economics, St Petersburg, Russian Federation.

Sergey A. Davydov — Doctor of Sociology, Professor, Department of personnel management, St Petersburg state University of Economics. **Address:** 21, Sadovaya Str., 191023, St Petersburg, Russian Federation. **Phone:** +7 (911)746-50-73. **Email:** licurg@inbox.ru

CHIEFDOM AS A CONCEPT OF SOCIOLOGY:

THE COMPLEXITY OF INTERPRETATION

Abstract. The purpose of this article is to identify the reasons which limit the conceptualization of the concept of chiefdom, and to find analytical means to overcome it. The author notes that at the present time sociology has developed criteria which facilitate the understanding of chiefdom as a type of social organization and historical stage in the development of society. However, the process of developing an unambiguous interpretation of the concept of chiefdom has not yet been completed. The article suggests that this is a consequence of two main limitations. The first of these lies outside the field of science and is associated with the diversity of the morphology of chiefdoms, with them having accumulated signs of “higher” and “lower” forms of social organization, and with chiefdom being characterized by ambiguity of data. The second limitation is brought forth by science itself, which happened to attach different conceptual grids to various types of chiefdom and had been unable to solve the problem of polysemia of the concepts which underlie the methodological analysis of archaic societies. The author focuses on the problem of “semantic twins” of chiefdom, the existence of which is due to the established

tradition of word usage. The problem of identifying such “twins” is solved based on analyzing the social institutions and structures of ancient societies, while relying on the results of archaeological and anthropological studies, texts of literary artifacts. As a result, the author argues that in many cases the barbaric “kingdom” of Western Europe, Asia and Africa, the Eastern European “principalities” and the “empires” of Central Asia and Central America should be called chiefdoms. It is concluded that managing conceptual space allows for expanding the subject field of analysis, enriching the analytical tools of research and as a result discovering new facets of chiefdom as a form of social organization.

Keywords: Chiefdom; Barbarian Kingdom; Principality; Steppe Empire; Social Organization; Ancient Society.

For citation: Davydov S.A. Chiefdom as a concept of sociology: the complexity of interpretation. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2019. Vol. 25. No. 1. P. 8–26. DOI: 10.19181/socjour.2018.25.1.6277

REFERENCES

1. Averkieva Yu.P. On the Place of “Military Democracy” in the History of North American Indians. *Sovetskaya entsiklopediya*. [Soviet Encyclopedia.] 1970. No. 5. P. 33–45. (In Russ.)
2. Barfield T.Dzh. World of Nomadic Pastoralists. *Kochevaya al'ternativa sotsial'noi evolyutsii*. [The nomadic alternative of social evolution.] Ed. by N.N. Kradin, D.M. Bondarenko. Moscow: IA RAN publ., 2002. P. 43–61. (In Russ.)
3. Barfield T.Dzh. The Perilous Frontier: Nomadic Empires and China (221 BC – 1757 ad.). [Russ. ed.: *Opasnaya granitsa: kochevye imperii i Kitai (221 g. do n. e. – 1757 g. n. e.)*] Transl. by D.V. Rukhlyadev, B.V. Kuznetsov. St Petersburg: F-t filologii i iskusstv SPBGU – Nestor-Istoriya publ., 2009. 248 p. Accessed 12.07.2017. URL: <http://barfield.narod.ru>.
4. Belyaev D.D. Once Again to the Question of Socio-political Organization of the Olmec Archaeological Culture. *Politicheskaya antropologiya traditsionnykh i sovremennykh obshchestv: Materialy mezhdunarodnoi konferentsii*. [Political anthropology of traditional and modern societies: Proceedings of the International conference.] Ed. by N.N. Kradin. Vladivostok: Dal'nevostochnyi federal'nyi un-t publ., 2012. P. 3–29. (In Russ.)
5. Budanova V.P., Gorskii A.A., Ermolova I.E. *Velikoe pereselenie narodov: etnopoliticheskie i sotsial'nye aspekty*. [Great Migration of Peoples: Ethnopolitical and Social Aspects.] St Petersburg: Aleteiya publ., 2011. 334 p. (In Russ.)
6. Vasil'ev L.S. *Problemy genezisa kitaiskogo gosudarstva*. [Problems of Genesis of the Chinese State.] Moscow: Nauka publ., 1983. 327 p. (In Russ.)
7. Vasyutin S.A. The Main Models of Power Organization in the Nomads of Central Asia in the Early Middle Ages (in the light of the theory of multilinearity). *Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost'*. 2010. No. 4. P. 20–34. (In Russ.)
8. Vasyutin S.A. Traditional and Innovative Mechanisms of Governance in Nomadic Societies of Central Asia VI–XIII centuries. Part 1. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2015. Vol. 3. No. 1 (61). P. 13–19. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2015-1-20-25
9. Vasyutin S.A., Dashkovskii P.K. *Sotsial'no-politicheskaya organizatsiya kochevnikov Tsentral'noi Azii pozdnei drevnosti i rannego srednevekov'ya (otechestvennaya istoriografiya i sovremennye issledovaniya)*. [Socio-political Organization of Central Asian Nomads of late Antiquity and Early Middle Ages (Russian historiography and modern research).] Ed. by N.N. Kradin. Barnaul: Izd-vo Altaiskogo gos. un-ta publ., 2009. 400 p. (In Russ.)
10. Gorskii A.A. The First Century of Rus. *Srednevekovaya Rus'. Iss. 10. K 1150-letiyu zarozhdeniya rossiiskoi gosudarstvennosti*. [Medieval Rus. Issue 10. To the 1150th anniversary of the birth of Russian statehood.] Moscow: Indrik publ., 2012. P. 7–112. (In Russ.)

11. Zoriktuev B.R. On the Socio-political Organization of Mongolian Society on the Eve of the Formation of the Empire. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2009. No. 14. P. 229–234. (In Russ.)
12. Korotaev A.V. Tribe as a Form of Socio-political Organization of Complex Non-primitive Societies (mainly based on the materials of North-East Yemen). *Al'ternativnye puti k tsivilizatsii*. [Alternative ways to civilization.] Moscow: Logos publ., 2000. P. 265–291. (In Russ.)
13. Korotaev A.V. Some Problems of Social Evolution of Archaic (and not only archaic) societies. *Vostok. Afro-Aziatskie obshchestva: istoriya i sovremenost'*. Vol. 5. [East. Afro-Asian societies: History and modernity. Vol. 5.] Moscow: Izd-vo Rossiiskoi gos. b-ki publ., 1995. P. 211–220. (In Russ.)
14. Kradin N.N. Chiefdom: Current State and Problems of Study. *Rannie formy politicheskoi organizatsii: ot pervobytnosti k gosudarstvennosti*. [Early forms of political organization: From primitiveness to statehood.] Moscow: Vostochnaya literatura RAN, 1995. P. 11–61. (In Russ.)
15. Kradin N.N. *Kochevniki Evrazii*. [Nomads of Eurasia.] Almaty: Daik-press, 2007. 416 p. (In Russ.)
16. Kradin N.N. *Politicheskaya antropologiya*. [Political Anthropology.] Moscow: Logos publ., 2004. 270 p. (In Russ.)
17. Kradin N.N. *Imperiya khunnu (struktura obshchestva i vlasti)*. *Dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni doktora istoricheskikh nauk*. [Empire of the Xiongnu (the structure of society and government). Dissertation for the degree of doctor of historical Sciences.] Vladivostok, 1999. 584 p. (In Russ.)
18. Kradin N.N. Nomads in the World Historical Process. *Filosofiya i obshchestvo*. 2001. No. 2. P. 108–138. (In Russ.)
19. Latushko Yu.V. Problems of Interpretation of the Social Organization of Hawaiian Society. *Rossiia i ATR*. 2006. No. 3. P. 123–132. (In Russ.)
20. Mavrodin V.V. *Obrazovanie Drevnerusskogo gosudarstva i formirovanie drevnerusskoi narodnosti*. [The Origin of the Old Russian State and the Formation of the Old Russian Nation.] Moscow: Vysshaya shkola publ., 1971. 192 p. (In Russ.)
21. Medvedev A.P. On the Forms of Dependence in Sarmatian Societies of the First Centuries ad. *Nizhnevolzhskii arkhologicheskii vestnik*. 2010. Iss. 10. P. 140–146. (In Russ.)
22. Morgan L.G. *Drevnee obshchestvo, ili issledovanie linii chelovecheskogo progressa ot dikosti cherez varvarstvo k tsivilizatsii*. [Ancient Society, or the Study of the Lines of Human Progress from Savagery Through Barbarism to Civilization.] Leningrad: Institut narodov Severa TsIK SSSR publ., 1934. 368 p. (In Russ.)
23. Pashuto V.T. Distinctions of the Structure of the Old Russian State. Novosel'tsev A.P., Pashuto V.T., Cherepnin L.V., Shusharin V.P., Shchapov Ya.N. *Drevnerusskoe gosudarstvo i ego mezhdunarodnoe znachenie*. [Ancient Russian State and Its International Significance.] Moscow: Nauka publ., 1965. P. 77–127. (In Russ.)
24. *Povest' vremennykh let*. [Tale of Bygone Years.] Select., notes and index by A.G. Kuz'min, V.V. Fomin; Pref and Transl. by A.G. Kuz'min; Ed. by O.A. Platonov. Moscow: Institut russkoi tsivilizatsii, Rodnaya strana publ., 2014. 544 p. (In Russ.)
25. *Rashid-ad-Din. Sbornik letopisei*. [Collection of Chronicles.] Moscow, Leningrad: Izd-vo AN SSSR publ., 1952. 995 p. (In Russ.)
26. Rodzhers D. The Reasons for the Formation of States in Eastern Inner Asia. *Mongol'skaya imperiya i kochevoi mir*. [The Mongol Empire and the Nomadic World.] Ed. by B.V. Bazarov, N.N. Kradin, T.D. Skrynnikova. Book 3. Ulan-Ude: Izd-vo BNTS SO RAN publ., 2008. P. 144–180. (In Russ.)
27. Rybakov B.A. Tribal Unions and the Problem of the Genesis of Feudalism in Russia. *Problemy vozniknoveniya feodalizma u narodov SSSR*. [The Problem of the Origin of

- Feudalism Among the Peoples of the USSR.] Moscow: Nauka publ., 1969. P. 25–28. (In Russ.)
28. Skrynnikova T.D. Mongolian Nomadic Society of the Empire Period. *Al'ternativnye puti k tsivilizatsii*. [Alternative Ways to Civilization.] Ed. by N.N. Kradin, A.V. Korotaev, D.M. Bondarenko, V.A. Lynsha. Moscow: Logos publ., 2000. P. 354–355.
  29. Skrynnikova T.D. *Kharizma i vlast' v epokhu Chingis-khana*. [Charisma and Power in the Era of Genghis Khan.] Moscow: Vostochnaya literatura publ., 1997. 216 p. (In Russ.)
  30. Froyanov I.Ya. On the History of the Birth of the Russian State. *Iz istorii Vizantii i vizantinovedeniya*. [From the history of Byzantium and Byzantine studies.] Leningrad: Izd-vo Leningradskogo un-ta publ., 1991. P. 57–93. (In Russ.)
  31. Khazanov A.M. Nomads of the Eurasian Steppes in Historical Retrospect. *Kochevaya al'ternativa sotsial'noi evolyutsii*. [The nomadic alternative of social evolution.] Ed. by N.N. Kradin, D.M. Bondarenko. Moscow: IA RAN publ., 2002. P. 49–50. (In Russ.)
  32. Khazanov A.M. *Ocherki voennogo dela sarmatov*. [Essays on the Military Art of the Sarmatians.] St Petersburg: Izd-vo SPbGU publ., 2008. 338 p. (In Russ.)
  33. Shaskol'skii I.P. About Initial Stages of Formation of the old Russian State. *Stanovlenie rannefeodal'nykh slavyanskikh gosudarstv: Materialy nauchnoi sessii pol'skikh i sovetskikh istorikov*. Kiev, 1969 g. [Formation of early feudal Slavic States: Proceedings of the scientific session of Polish and Soviet historians. Kyiv, 1969.] Kiev: Naukova dumka publ., 1972. P. 46–69. (In Russ.)
  34. Shaskol'skii I.P. Formation of the Old Russian State. *Sovetskaya istoriografiya Kievskoi Rusi*. [Soviet historiography of Kievan Rus.] Leningrad: Nauka publ., 1978. P. 128–141. (In Russ.)
  35. Shiroisi N. Stages of Nomadic States of the Mongolian Steppes. *Mongol'skaya imperiya i kochevoi mir*. [Mongol'skaya imperiya i kochevoi mir.] Ed. by B.V. Bazarov, N.N. Kradin, T.D. Skrynnikova. Book 3. Ulan-Ude: Izd-vo BNTs SO RAN publ., 2008. P. 241–250. (In Russ.)
  36. Shishkin I.G. Problemy obrazovaniya Drevnerusskogo gosudarstva v otechestvennoi istoriografii (1917–1990-e gody): Avtoref. dis. kand. ist. nauk. [Problems of Formation of the Old Russian State in the Domestic Historiography (1917–1990-ies): abstract. dis. kand. historical science.] Ekaterinburg, 1997. 24 p. (In Russ.)
  37. Enkhtuvshin V. Traditions of Statehood and History of Nomads. *Mongol'skaya imperiya i kochevoi mir*. [The Mongol Empire and the nomadic world.] Ed. by B.V. Bazarov, N.N. Kradin, T.D. Skrynnikova. Book 3. Ulan-Ude: Izd-vo BNTs SO RAN publ., 2008. P. 227–238. (In Russ.)
  38. Yatsenko S.A. Alanya in I-II Centuries ad as a Nomadic Empire. *Mongol'skaya imperiya i kochevoi mir*. [The Mongol Empire and the nomadic world.] Ed. by B.V. Bazarov, N.N. Kradin, T.D. Skrynnikova. Book 3. Ulan-Ude: Izd-vo BNTs SORAN publ., 2008. P. 281–310. (In Russ.)
  39. Yatsenko S.A. Notes on the History and Culture of Sarmato-Alans. *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik*. 2003. Iss. 6. P. 303–316. (In Russ.)
  40. Byrne F.J. *Irish Kings and High-Kings*. L.: Four Courts Press, 2001. 341 p.
  41. Carneiro R.L. The Chiefdom: Precursor of the State. *The Transition to Statehood in the New World*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1981. P. 37–79.
  42. *Chiefdoms: Yesterday and today*. Ed. by R.L. Carneiro, L.E. Grinin, A.V. Korotayev. New York: Eliot Werner Publications, Inc., 2017. 176 p.
  43. Chabal P., Feinman G.M., Skalnik P. Beyond States and Empires: Chiefdoms and Informal Politics. *Social Evolution & History*. 2004. Vol. 3. No. 1. P. 22–40.
  44. Childe G.V. The Urban Revolution. *Town Planning Review*. 1950. Vol. 21. No. 1. P. 3–17. DOI: 10.3828/tpr.21.1.k853061t614q42qh
  45. Claessen H.J.M. On Chiefs and Chiefdoms. *Social Evolution & History*. March 2011. Vol. 10. No. 1. P. 5–26.

46. Claessen H.J.M., Skalnik P. *The Early State*. The Hague: Mouton, 1978. 641 p. DOI: 10.1515/9783110813326
47. Coe M.D. San Lorenzo Tenochtitlan. Supplement to the Handbook of Middle American Indians. *Archaeology*. Ed. by J.A. Sabloff. Austin: University of Texas Press, 1981. Vol. I. P. 117–146.
48. Driver H.E. *Indians of North America*. Chicago: University of Chicago Press, 1961. 944 p.
49. Feil D.K. *The Evolution of Highland Papua New Guinea Societies*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2010. 328 p.
50. Ferguson A. *An essay on the history of civil society*. Basil: Printed by J.J. Tourneisen, 1789. 424 p. Accessed 24.11.2017. URL: <https://books.google.com.ru/books?id=WJgqAAAAMAAJ&printsec=frontcover&hl=ru&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false>.
51. Flannery K.V., Marcus J. *The Creation of Inequality*. Cambridge: Harvard University Press, 2012. 630 p. DOI: 10.4159/harvard.9780674064973
52. Grinin L. Complex Chiefdom: Precursor of the State or Its Analogue? *Social Evolution & History*. March 2011. Vol. 10. No. 1. P. 234–275.
53. Hardoy J. *Pre-Columbian Cities*. New York: Walker and Company, 1973. 602 p.
54. Kradin N.N. Heterarchy and Hierarchy among the Ancient Mongolian Nomads. *Social Evolution & History*. March 2011. Vol. 10. No. 1. P. 187–214.
55. Lindsay J. *Our Celtic Heritage*. L.: Weidenfeld & Nicolson, 1962. 449 p.
56. MacNiocaill G. *Ireland before the Vikings*. Dublin: Gill and Macmillan, 1972. 376 p.
57. O'Corrian D. *Ireland before the Normans*. Dublin; Gill and Macmillan, 1972. 289 p.
58. Oberg K. Types of Social Structure among the Lowland Tribes of South and Central America. *American Anthropologist*. 1955. No. 57. P. 472–487. DOI: 10.1525/aa.1955.57.3.02a00060
59. Rountree H. *The Powhatan Indians of Virginia: Their Traditional Culture*. Norman: University of Oklahoma Press, 1989. 232 p.
60. Sahlins M.D. *Social Stratification in Polynesia*. Seattle: University of Washington Press, 1958. 306 p.
61. Service E.R. *Primitive Social Organization: An Evolutionary Perspective*. New York: Random House, 1962. 211 p.
62. Skalnik P. Authority versus Power: Democracy in Africa Must Include Original African Institutions. *Journal of Legal Pluralism and Unofficial Law*. 1996. No. 37–38. P. 109–121. DOI: 10.1080/07329113.1996.10756476
63. Sneath D. *The Headless State: Aristocratic Orders, Kinship Society, and Misrepresentations of Nomadic Inner Asia*. New York: Columbia University Press, 2007. 273 p. DOI: 10.7312/snea14054
64. Stirling M. *Stone Monuments of Southern Mexico*. Washington: United States Government Printing Office, 1943. 170 p.

Received: 09.01.2018.
